

Отечественная война 1812 года в исторической памяти смолян

Рассказы о пожаре Москвы, о
Бородинском сражении, о
Березине,

о взятии Парижа были моею
колыбельной песнею, детскими
сказками, моей Иллиадой и Одиссеей.

А.И. Герцен

Одной из главных миссий музея является возрождение исторической памяти и воспитание чувства гордости за подвиги предков.

Одной из основных задач в научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работе Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» является поиск, изучение и представление такого локального материала, который помогает отразить связь территории музея-заповедника с событиями и явлениями национального масштаба. К таким событиям относится Отечественная война 1812 года. Воспоминания современников, также как их письма и дневники, являются одним из лучших, а иногда и единственным, источником, передающим впечатления обычных людей о важнейших периодах и отдельных эпизодах ушедшей жизни.

Многие из смоленских дворян, уединившись в своих родовых гнездах, хранили свои письма, вели дневники и семейную хронику на протяжении всей своей жизни, предавались воспоминаниям. Некоторые из них позже были опубликованы в дореволюционных журналах. Являясь библиографической редкостью, они стали ценным источником по истории и культуре не только смоленского края¹. До сих пор они чаще всего привлекают к себе внимание исследователей только одной своей стороной: из статьи в статью, из книги в книгу переходят рассказы о знакомстве и родстве мемуаристов с выдающимися личностями, характеризуя дворянский быт «золотого века» русской усадьбы.

Между тем во всех воспоминаниях смолян, написанных в XIX - начале XX в., так или иначе отразились события Отечественной войны 1812 года, которые разделили эпоху на время «до» и «после» войны с Наполеоном. Они составили настоящую хронику тревожных дней Смоленской губернии в 1812 г.

Воспоминания смолян помогают увидеть эти события глазами разных лиц: тех, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях в составе русской армии; тех, кому пришлось в разном возрасте оставить свои родовые усадьбы и переместиться в соседние губернии; и тех, кто родился позже и знал о войне по рассказам старшего поколения.

Обширное родство и свойство Грибоедовых в Смоленской губернии позволяют привлечь многочисленные мемуарные и эпистолярные источники в качестве документальных материалов. Особый интерес представляют «мемуаристы из народа», например хмелитский крепостной Прокоп, воспоминания которого до сих пор в полном объеме не опубликованы. Небольшие отрывки этих воспоминаний хорошо известны по книге Н.Э. Волкова-Муромцева «Юность от Вязьмы до Феодосии», использовавшего записи своего отца В.А. Волковаⁱⁱ.

В 1912 г. Владимир Александрович Волков, уездный предводитель Вяземского дворянства, был одним из организаторов, а затем членом Комитета по увековечению памяти Отечественной войны 1812 года. Собирая

различные сведения о событиях, про исходивших сто лет назад, он особенно внимательно подошел к свидетельствам местных жителей — очевидцев, тщательно прове ряя всю полученную информацию. Составленные им и переписанные рукой его сына записи хранятся ныне в архиве музея-заповедника «Хмелита». Фрагменты из них, дополняющие картину наполеоновского нашествия, публикуются нами впервыеⁱⁱⁱ.

Довоенная усадебная жизнь для большинства дворян Смоленской губернии протекала по традициям того времени: отучившись и отслужив, они возвращались в свои поместья, обзаводились семьей, строили свое гнездо, занимались хозяйством и воспитывали детей.

Летом в усадьбы съезжались московские родные, знакомые и соседи, по воскресеньям и праздничным дням толпились в парадных залах офицеры полков, квартировавших в губернском и уездных городах, устраивались импровизированные театры на воздухе, «была славная музыка, были танцы и по всей форме бал». И огромная комета 1811 г. для многих «была только великолепной диковинкой», на которую любовались по ночам.^{iv}

«При объявлении войны с Наполеоном, брат Яков поступил в казаки, — вспоминала дворянка ельнинского уезда М. Николева, называвшая себя кузиной А. С. Грибоедова. — Все, что мыслило, заколыхалось для борьбы за жизнь и смерть с завоевателем; все двинулось на битву, а кто того не мог, тот иначе принимал участие в обороне. Отец, будучи почти уже слеп, пек сухари для войска и бесплатно доставлял их в Комиссариат, а мать и сестры принялись за корпию»^v.

Когда первые русские военные отряды уже подходили к Смоленску, мирные жители никак не могли в это поверить: «...много говорили про Наполеона, он, говорили, хотел Москву нашу взять, но мы не думали, что он до нас дойдет»^{vi}.

В начале августа 1812 г. в уездах, расположенных восточнее Смоленска, свои чередом шла уборка ржи, реляции из «Московских ведомостей» обсуждались всей округой, многие молодые крестьяне поступили в милицию. При начавшемся усиленном наборе рекрут, «отцы и матери с плачем и воем» провожали их; «...кое-где проскакивали партии казаков... Слухи носились разные: там показались мародеры ("мародеры", как называл их народ); тут ограбили, убили кое-кого; были люди, возбуждавшие народ к бунту; советовали бросить полевую работу, избив своих помещиков; но все это были слухи»^{vii}.

Тем не менее «...враг с невероятной скоростью приближался к воротам Смоленска. При его приближении все бежало; мы вынуждены были уехать и расстаться с отцом, который мог решить, покинуть свое любимое обиталище только в случае крайней необходимости. Преисполненные горем и страхом за судьбу дорогого отца, предвидя в будущем одни беды и нищету, мы покинули родную кров, который не надеялись более увидеть», — вспоминала дальняя родственница Грибоедовых А. И. Колечицкая, дочь И.Б.Лыкошина, владельца усадьбы Казулино Вяземского уезда^{viii}.

О Хмелите старик Прокоп рассказывал: «Не то в конце июля, не то в начале августа баре наши стали "паковаться", то что обычно делали только поздней осенью, и уехали в Москву, взяв с собой кого могли из наших»^{ix}.

Покидая родные места, в спешке готовили экипажи, зачастую чем попало наполняли сундуки, оставляя в усадьбах предметы искусства, фамильные портреты, старинную церковную утварь. По дороге теряли поклажу, лишались лучших лошадей с домашних конезаводов, часто не

хватало провианта. Тем не менее многие, кто уезжал из дома в детском или юношеском возрасте, представляли себя путешественниками или «маленькими эмигрантами» из популярных французских романов, рисуя в своем воображении «благородные и опасные поступки», которые они совершат. А. И. Колечицкая писала: «Но я с сожалением думала о своей комнатке в Казулине, которую я тщательно заперла, оставив записочку господам французам: я умоляла их ради их всем известной вежливости воздержаться от разорения моего небольшого имущества...»^x

Воспоминания И.С. Жиркевича, участника Отечественной войны 1812 года и потомственного смоленского дворянина, содержат многочисленные подробности смоленского периода отступления нашей армии: ссоры М. Б. Баркляя де Толли с П.И. Багратионом из-за противоречивых сведений лазутчиков и потери французам из виду, беспрестанные марши и контр-марши по дороге на Рудню через дер. Шеломец, за что солдаты прозвали их «ошеломелыми», о том, что армиям, две недели стоявшим у Смоленска лицом к Петербургу, в начале боя 3-4 августа пришлось драться, повернувшись на своей оси.

Под пером старого ветерана разворачивается широкая панорама битвы за Смоленск и вырисовывается «хладнокровный» и бесстрастный образ М.В. Баркляя де Толли при сдаче и пожаре города. Упоминает И.С. Жиркевич и об одной из самых важных ошибок за всю кампанию, когда под Дорогобужем армию расположили тылом к французам, а лицом к Москве^{xi}.

Смоленское дворянство почти все к этому времени выехало в ближайшие губернии. Николевы на первых порах остановились у родных под Тулой, здесь же пережили войну Хомяковы. Лыкошины уехали в Орловскую губернию, где жили в ближайшем соседстве со своими родственниками Якушкиными. На Харьковщину временно перебрались Нахимовы, в Нижний Новгород — Барышниковы и Колечицкие.

Во Владимирскую губернию переселилась вся Грибоедовская родня. Хмелита была оставлена на доверенных слуг. Старик Прокоп вспоминал: «После обеда вдруг из-за парка появилось пять всадников, мы все думали "наши", а подъехали — по-русски не говорят. А тут человек сто за ними из-за парка выехали. Что-то бормочат. Кто в деревню пошли, кто к дворцу... Много их было, весь дворец набили, а сено из сараев наших стали солдаты таскать. А нас не трогали, только в деревне сено крали, да костры развели, варят что-то. Мы все притаились, ничего сделать не могли. Ночью все костры горели, а в дворце все комнаты освещены, да шумели там здорово... да обоз за ними пришел, палатки по парку разбили, а на утро на рассвете трубачи заиграли... и к обеду никого не было»^{xii}.

Родство и свойство, всегда по-особому ценившееся среди смоленских жителей, еще ярче проявилось во время разорения, бегства, тревоги за своих родных, находившихся на занятой французами территории или в действующей армии.

В каждой семье против неприятеля сражались отцы, сыновья, старшие братья. У М. Никелевой родных и двоюродных братьев находилось в русской армии 8 человек, у А. Колечицкой — родные братья Владимир и Александр, и двоюродный — «милый Якушкин», и у всех множество дальних родственников и знакомых-смолян: Колечицкие, Рачинские, Глинки, Вонлярярские, Керны, Бунаковы, Храповицкие. Грустные известия и волнения за них «причиняли живую боль».

Тревога за родных и знакомых постоянно звучит и в письмах русских солдат и офицеров. Так, П.П. Колечицкий, уроженец Краснинского уезда

Смоленской губернии, писал матери в октябрь 1812 г.: «... сию пору не знаем наверное, где вы находитесь, а слышали от брата Сергея Николаевича Глинки, что вы изволили будто уехать в Нижний Новгород»^{xiii}.

Зачастую в армии смоляне служили в одном полку, искали встреч друг с другом, узнавали новости о земляках.

Брат А.И. Колечицкой Александр в 1813 г. служил у своего родственника полковника Б.А. Полуектова. Позже, во время отступления при Бауцене, А.И. Лыкошин попал в плен. Его родной брат Владимир узнал все подробности об этом событии под Теплицем в Богемии, «...в Семеновском полку от нашего Якушкина, которого нашел в палатке одной с двумя Чаадаевыми и князем Щербатовым — нашими добрыми университетскими товарищами»^{xiv}.

Многие из дворян, во время нашествия неприятеля, укрывались в Вельском уезде, который находился далеко от линии движения французов и не подвергался нашествию врага. Среди них - Н. Энгельгардт и П. Лыкошин, оставшийся по воле родителей для присмотра за Смоленскими имениями; «прекрасный молодой человек, был убит в 1812 году взбунтовавшимися крестьянами»^{xv}. Оставались в своих имениях дворяне Сычевского и Вяземского уездов, среди которых С.А. Хомяков, отец будущего известного писателя и славянофила А.С. Хомякова, И.Б. Лыкошин и другие.

Для охраны своих усадеб хозяева часто создавали небольшие отряды, составленные в основном из дворовых людей, некоторые из этих небольших групп позже стали многочисленными соединениями, включившимися в партизанское движение. Такие отряды действовали в Казулине Лыкошиных, Богородицком Белкиных, в имениях дворян Лесли, П. и С. Храповицких, Ф. Брецинского, Л. Каленова и др.^{xvi} В окрестностях Грибоедовской Хмелиты действовали отряды Бегичева и Повалишина, которые были владельцами усадеб в Вяземском уезде «за Днепром». Современник вспоминал о посещении Хмелиты партизанами: «Кроме Бегичева еще отряд был Повалишина, тоже и сейчас за Днепром живет. Ну он к нам только раз заходил, все ближе к дороге на Смоленск действовал. Наших шесть человек у Бегичева были»^{xvii}. Из документов известны имена крестьян помещиком Грибоедовым, участвовавших в партизанском движении: Петр Иванов, Анисим Максимов, Прохор Семенов, Степан Филиппов, Василий Ефремов и Павел Савельев, который особенно отличился в стычках с неприятелем. «Савельев командовал особым отрядом и подал другим собою пример в мужестве»^{xviii}.

Л.Н. Энгельгардт вспоминал: «Оставались родственник мой П.И. Энгельгардт и Шубин, из побуждения, чтобы вредить не приятелю. Когда они были французами схвачены и принуждаемы присягнуть Наполеону, то за отрицание от сего были расстреляны, жены их за верность мужей государем были щедро награждены»^{xix}. С этой же целью оставались в Сычевском уезде Н.М. Нахимов и С.М. Нахимов (отец будущего адмирала), где под их руководством партизанское движение приобрело особенно сильный размах. В одном из своих рапортов Н.М. Нахимов сообщал: «...с 19 числа августа по 25 октября убито нашими 1760 человек, в том числе штаб- и обер-офицеров — 6, в плен взято — 1009...С нашей стороны крестьян убито — 97, ранено — 277 человек. Оставшиеся ружья от неприятеля розданы участвующим крестьянам»^{xx}.

Сразу после освобождения губернии смоленские жители стали возвращаться к родным пепелищам. Чаще всего первым ехал кто-то один.

«Приятные известия о победах узнал я в Москве, в проезде к отцу моему, в Смоленскую губернию... — писал Л.Н. Энгельгардт, — по Смоленской дороге только что начали выстраиваться некоторые деревни. В Московской губернии все убитые тела были сожжены, а в Смоленской до самого города не надобно было спрашивать о дороге, а следовать по большим могилам, бывшим по обеим сторонам в самом близком расстоянии одна от другой. Города Гжатск, Вязьма, Дорогобуж и самый Смоленск представляли печальное зрелище; стена в Смоленске во многих местах подорвана»^{xxi}.

В дворянских усадьбах царило запустение как в домах, так и в церквях, и в хозяйстве. Поля и луга были вытоптаны, постройки сожжены или разграблены, в некоторых местах оказались вырубленными заказные леса. Во многих имениях все было разрушено самими крестьянами. М.С. Николева писала о возвращении в имение: «Тут мы узнали, что едва выехали мы из усадьбы, как крестьяне начали сходиться к дому, а дворовые, напротив, разбежались... Ранее появления французов разбушевались крестьяне, требуя от Гульчиинского (управляющий Никелевых. — А. Ф.) вина, так как у отца был небольшой винокуренный завод. Гульчинский струсил, отворил подвал, сам пил с крестьянами, пока они все не свалились с ног и не полегли вповалку, а выпавшись пошли грабить дом, ломать и забирать, что могли»^{xxii}.

В 1813 г., когда в разных уездах губернии поля остались не засеянными, многим дворянам пришлось заложить свои имения, и несмотря на помощь родных, их семьи никогда уже не смогли освободиться от задолженностей. Дорогобужский помещик Н.М. Колечицкий, посланный в 1812 г. в военную службу троих сыновей и пожертвовавший для армии 3000 четвертей хлеба, исполнял за неимущих дворян все установленные повинности (до 2000 руб.), пока не разорился сам. Совершенно было разорено мелкопоместное дворянство^{xxiii}.

Грибоедовская Хмелита не вошла в список усадеб, понесших урон от французов, составленный смоленским предводителем дворянства С.И. Лесли. Но из писем владельца имения А.Ф. Грибоедова (дяди писателя) очевидно, что в 1813-1815 гг. постоянные долги вынуждают его некоторое время скрываться сразу от семи кредиторов^{xxiv}. Воспоминания старика Прокопа содержат не мало подробностей о пребывании в Хмелите на постое наполеоновской кавалерии во главе с Мюратом во время отступления русской армии, о бое с французами у деревни Барсуки партизан Бегичева при бегстве Наполеона из России, а об уроне, нанесенном в Хмелите французами, он говорил следующее: «Много у нас тут кур украли да коров много зарезали... во дворце немало поломали и в деревне тоже, много раскрыли сена да жнивья и деревья в парке много порубили»^{xxv}. Многие дворянские дома в уездах Смоленской губернии сохранились благодаря присутствию хозяев в имениях во время оккупации.

Воспоминания жителей Смоленской губернии содержат немало подробностей, подтверждающихся документами, о разорении и разграблении французами православных церквей. Но бывали и курьезные случаи. М.С. Николева писала, что священник П.С. Белогорский сумел спасти усадебную церковь Никелевых от разорения тем, что от страха упомянул во время службы Наполеона в момент присутствия там солдат неприятельской армии. «До самой смерти отец Петр совестился, что вынужден был помянуть Наполеона и только утешался соображением, что иначе, может быть не уцелел бы храм»^{xxvi}.

Отечественная война 1812 года стала для смоленских дворян

переломом «как в материальном, так и в духовном смысле». На дежды многих дворян и крепостных — участников войны на свою беду и отмену рабства не оправдались. Впоследствии М.А. Бестужев писал: «Мы были дети 1812 года». Страшное известие о событиях декабрьского восстания «потрясло и разбило спокойствие» всех смолян. Среди декабристов у каждого из смолян были родные и знакомые, казни и аресты которых тяжело отзывались во многих семействах в Смоленской губернии.

Но, несмотря на это, вспоминала М.С. Николева, когда Николай I, вскоре «по усмирении бунта... делал большой смотр под Вязьмой» и смотр этот должен был «напоминать бывшее там в 1812-м году сражение...», «съезд зрителей был так велик, что не большой сравнительно город Вязьма был переполнен»^{xxvii}. К сожалению, мемуаристка не упоминает дату этой, по-видимому, первой в истории «реконструкции» сражения русских с французами.

Сохранились также свидетельства современников о пожаловании Николаем I в мае 1848 г. и дар городу Вязьме копии с картины мюнхенского художника Гесса, изображающую сражение при Вязьме. Копия была написана художником Васильевым, из Москвы для картины выписали «великолепную золоченую раму, украшенную императорскою короною, российским гербом и военными трофеями». Торжества по случаю открытия специального зала городской думы, где было решено поместить картину, проходили в городе в канун Рождества при многочисленном скоплении людей, несмотря на жестокий мороз^{xxviii}.

Память о событиях Отечественной войны 1812 года сохранялась в семейных преданиях и фольклоре. Для усадебных библиотек приобретались и бережно хранились томики с произведениями поэтов и писателей, воспевающих силу и славу русских. На приемах и балах в дворянских имениях необыкновенной популярностью стали пользоваться «фронтовые» офицеры.

Обязательным украшением интерьеров кабинетов и гостиных стали изображения Кутузова и героев войны 1812 года, силуэтные изображения и копии с медальонов Ф. Толстого, не исчезла мода иметь в доме бюсты Наполеона и М.И. Кутузова. По свидетельствам потомков из рода Нахимовых, в семье Н.М. Нахимова из поколения в поколение переходил портрет М.И. Кутузова. Из патриотических соображений портреты родственников - героев войны 1812 года заказывались и копировались многочисленными владельцами усадеб для своих домашних гостиных.

Дворянские и крестьянские дети заслушивались рассказами участников войны с французами, с интересом разглядывая их военную форму и боевые награды. Мемуарист, состоявший в отдаленном родстве с П.П. Колечицким и называвший его «дедушкой», сохранил в памяти живые черты «полковника-преображенца старых времен», который увлеченно производил «батальонное ученье целой толпы крестьянских мальчиков», а иногда, вспоминая свою военную службу, «рассказывал некоторые случаи из нее и один раз при этом приказал принести целую кучу сохранявшихся бережно его прежних мундиров. В числе их находился сюртук с пробитою пулею пополам, во время Бородинского сражения...»^{xxix}

Скупые упоминания мемуаристов дают возможность подтвердить архивные данные о судьбах иностранцев, как переселившихся в Россию в начале XIX в., так и французских военнопленных, а также тех, кто помогал французам. Возвратился к Никелевым управляющий имением Гульчинский, который «под предлогом необходимости показывать дорогу врагу (к чему

его, как он говорил, принуждали) бросил жену и детей и ушел со своей любовницей, сделавшейся маркитанткой у врагов и затем пропавшей». В Хмелите остался раненый француз, взятый в дом Грибоедовых камердинером. Пленные часто занимали на службе в усадьбах места домашних лекарей и учителей, держали мельницы и ремесленные мастерские. Бесспорно, это свидетельствует о великодушии русского народа-победителя, на которое иностранцы отвечали «доверием и благодарностью, трудясь в меру сил на благо России»^{xxx}.

Необыкновенно возрос интерес к событиям Отечественной войны 1812 года в год 100-летнего юбилея этого знаменательного события в жизни России. В Смоленске и уездных городах создавались комитеты по увековечению памяти 1812 года, активно собирались и издавались архивные, мемуарные и фольклорные материалы о событиях минувшей войны, в городах были установлены первые памятники^{xxxii}.

В Вязьме памятником войны 1812 года была объявлена Богородицкая церковь, находящаяся на Торговой площади, где 22 октября 1812 года произошло Вяземское сражение. Вскоре в Вязьме стал функционировать первый на Смоленщине музей 1812 года.

А.И. Колечицкая, начиная свои воспоминания в 1820 г., писала: «Мы живем в замечательное время, в моей памяти еще свежи великие происшествия 1812 и следующих годов Отечественной войны»^{xxxii}. Смоляне, адресуя свои мемуары в основном своим детям и внукам, не предполагали как долго и гулко будет звучать эхо Отечественной войны 1812 года.

В год 190-летия этого знаменательного исторического события все активнее стали изучаться судьбы русской провинции в контексте войны 1812 года. Особенно важным представляется изучение и возвращение в научный оборот локального материала, в том числе имен, судеб и свидетельств обыкновенных смоленских жителей, на долю которых досталась вся тяжесть войны. В отличие от знаменитых современников их редко вспоминают, но они являются не только историческим фоном для известных личностей, героев войны 1812 года, но и той средой, с которой эти герои были непосредственно связаны и из которой многие вышли.

Эпистолярные и мемуарные источники дают возможность не посредственного переживания и сопереживания, воссоздавая картину героического прошлого, осуществляя духовную связь между прошлым и настоящим, приближая это прошлое к нам, и в этом их ценность

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Среди них воспоминания ельнинской помещицы М. Николевой (Черты старинного дворянского быта) // Рус. архив. 1893. № 9 - 10); краснинского помещика М. Шаховского («Воспоминания доживающего свой век смоленского дворянина»; были опубликованы анонимно); воспоминания Л. Энгельградта «Записки о моей жизни» (М., 1868; переизданы в 1997 г.); записки владельца усадьбы Морево Н. Повало - Швейковского помогли А.С. Пушкину в его работе над «Историей Пугачевского бунта»; многотомная семейная хроника В. Лыкошина и его родных сестер А. Колечицкой и М. Рачинской из имения Казулина стали ценным источником о детстве и юности А.С. Грибоедова и И.Д. Якушкина, эти воспоминания в разное время публиковались частично: Пиксанов Н.К. Грибоедов и старое барство. М., 1926; Он же. Грибоедов: Исследования и характеристики. Л., 1934;

-
- Колечицкая А. И.* Мои записки от 1820-го года // Лица: Биографический альманах. М.; Л., 1995: обстоятельные письма С. Салтыковой (и замужестве Дель виг) из усадьбы Крашнево послужили Б.Л. Модзалевскому источником для создания книги «Роман декабриста Каховского» (Л., 1926). Этот перечень можно продолжить.
- ii *Волков-Муромцев Н.В.* Юность: От Вязьмы до Феодосии. М., 1997.
- iii Воспоминания хмелитского крепостного Прокопа // Архив му зяя-заповедника «Хмелита». ГМЗХ КП-1770. Здесь и далее воспоминания Прокопа цитируются по этому источнику.
- iv *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 293.
- v *Николева М.* Указ. соч. С. 129
- vi ГМЗХ КП-1770. С. 10.
- vii *Николева М.* Указ. соч. С. 131.
- viii *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 324.
- ix ГМЗХ КП-1770. С. 9-10.
- x *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 324
- xi *Жиркевич А. И. С.* Жиркевич И его воспоминания о Смоленске. Смоленск, 1904. Второе, факсимильное, издание вышло в Смоленске в 2001 г.
- xii ГМЗХ КП-1770. С. 10-12.
- xiii Лица. Биографический альманах. С. 330.
- xiv РГАЛИ.Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 29об.; *Балунова Н.П.* Усадьба Хмелита и хмелитское окружение семьи Грибоедовых // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 253—262.
- xv *Пиксанов Н.К.* Указ. соч. С. 65.
- xvi Смоленская старина. Вып. 2: 1812-1912. Юбилейное издание Смоленской ученой архивной комиссии / Под рад. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. Смоленск, 1912; *Жириновский В.М.* Отечественная вой на в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962; *Попов А.И.* Партизаны и на родная война в 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источни ки. Памятники. Проблемы, Можайск, 2000. С. 172-207.
- xvii ГМЗХ КП-1770. С. 16-17.
- xviii Список Сычевского уезда Смоленской губернии отличившихся в сражениях против неприятеля (1812 г.) // Центральный театральн ый музей им. Бахрушина; *Медведева И.Н.* Вступительная статья // *Грибо едов А.С.* Соч. в стихах. М., 1964.; *Лихачев Д.С., Фомичев С.А.* Пусть будет Грибоедовский музей // Сов. культура. 1983. № 17.
- xix Дело о назначении пенсии семействам гг. Энгельгардта и Шуби на, расстрелянных французами // Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 78-125; *Энгельгардт Л.* Записки. М., 1997. С. 185.
- xx ГАСО: Рекламный проспект. Смоленск, 1995. С. 17.
- xxi *Энгельгардт Л.* Указ. соч. С. 185.
- xxii *Николева М.* Указ. соч. С. 139-140.
- xxiii *Вороновский В.М.* Указ. соч. С. 246; См. также воспоминания М. Николевой, А. Колечицкой и др.
- xxiv Дело о взыскании с нет |А.Ф. Грибоедова) кредиторами денег // ИРЛИ. 10040/1; *Тархова И.А.* Грибоедовская усадьба Хмелита // А.С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л., 1989. С. 58-59.
- xxv ГМЗХ КП- 1770. С. 10-12.

-
- ^{xxvi} *Николева М.* Указ. соч. С. 140—141.
- ^{xxvii} Там же. С. 183-185.
- ^{xxviii} Русская старина. 1895 . № 8. С. 101-102.
- ^{xxix} Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г.
- ^{xxx} *Николева М.* Указ соч. С. 141.; *Ермоленко Г.* Французские военнопленные 1812 г. на Смоленщине // *Край Смоленский.* 2002. № 56. С. 26-33.
- ^{xxxi} Например, в 1912 г. вышло замечательная книга под рея. Е.Н. Клетневой «Отечественная война в преданиях и сказаниях Вяземско го уезда», различные юбилейные издания; см. также: *Комаров Д. Е.* Вязь ма и уезд в XIX в. Смоленск, 2000. С. 75-78.
- ^{xxxii} *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 291.